

ГЕОМЕТРИЯ СРОДСТВА

Комментарий к подготовительным материалам к лекциям М.К. Мамардашвили о Прусте

Этот небольшой документ¹ из 42 пожелтевших от времени страниц формата А4 сохранился в архиве Мераба Константиновича Мамардашвили в папке с материалами по Прусту. Там же находились предварительные наброски плана² книги «Психологическая топология пути», которую Мамардашвили предполагал написать на основе двух прочитанных в Тбилиси курсов лекций по Прусту в 1981–1982 и 1984 годах.

На первый взгляд документ выглядит наброском вступительной статьи к будущей книге: им открываются подготовительные материалы, да и пронумерован он римскими цифрами с очевидной целью отличать его от остального текста. Но при более внимательном изучении можно заметить, что некоторые страницы сопровождаются датами, которые различаются между собой в недельный интервал. Более того, в одном месте обнаруживаем непосредственную реакцию автора на свою «неудачу»: в процессе чтения лекции³ он, по его словам, увлекшись красотой приведенной им цитаты из «Самотрасской Победы» Гумилева, упустил возможность точно сформулировать мысль, которую хотел провести в своем выступлении⁴.

Все это говорит о том, что перед нами подготовительные тезисы к лекциям, которые составлялись в качестве живой рефлексии или памятки непосредственно после лекции или накануне предстоящей. Этот материал никак нельзя назвать завершенным, да и сам автор явно к этому не стремился: он не придерживается какой-либо строгой последовательности изложения, почти на всех страницах встречаются разноформатные примечания и дополнения, сделанные от руки по машинописному тексту, которые к тому же служат не финальным дополнением к тексту, но лишь поводом для дальнейших размышлений и, в свою очередь, обрастают новыми комментариями и уточнениями. Документ все еще хранит

¹ В настоящем издании он назван «Материалы к лекциям». См.: наст. изд. С. 727–770.

² Опубликовано в кн.: Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 2. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. С. 1191–1203.

³ Речь идет об 11-й лекции. См.: наст. изд. С. 244–245.

⁴ «“Живое”: оно как раз меня погубило в связи с Гумилевым. Я сказал совсем другое, чем хотел сказать

(я хотел сказать: околдование не только внешнее, “золотые двери мира грез захлопнулись за Альбертиной” — рай, “кошечка Альбертина” — ад; психика — тоже вещь, выполнение в ней). Но это тоже, можно сказать, — действительная патология. Но что я пытаюсь сделать? — извлечь силу из собственной слабости, глупости». — Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 742.

динамику работы и, можно надеяться, изначальное пространство авторского замысла. Есть у этого материала и еще одна примечательная особенность — рисунки. Относительно простые, сделанные от руки карандашом или ручкой, иногда перерисовываемые — и не всегда удачно — заново, словно вспомогательные вехи оставленные помечать пространство разворачивания мысли.

Если говорить о комментировании этого текста, нужно признать, что объемный комментарий к нему уже выполнен самим автором. Это прочитанные им лекции. Поэтому я по возможности ограничу свою задачу обсуждением в этом документе лишь того, что, быть может, в меньшей степени нашло отражение в тексте лекций, а именно рисунков.

Читая этот документ, стоит учесть характерную для философских текстов особенность обращения с терминологией, на которую Мамардашвили в другом своем курсе лекций обращает внимание слушателей: «В философии всегда имеет место косвенное применение терминологии. Слова (...) заимствуются из нашего обыденного языка. (...) И вот я говорю “история” или я говорю “время”, и я говорю “историчность”. Но у нас есть несколько смыслов этих слов, обычных смыслов и даже научных. Но в действительности во всех этих фразах, где я употребил слово “время” или “история” (...) я говорил не об этом. Я говорил о времени как условии времени, об истории как условии истории»⁵.

Отметим еще одну особенность текста. Это рабочий материал, непосредственно обращенный автором к самому себе, что предполагает понятную для автора и не всегда очевидную для читателя соотнесенность через какое-то кажущееся на первый взгляд случайным слово, образ с другими его размышлениями, текстами, выступлениями. Поэтому обращение при комментировании этого текста к другим работам Мамардашвили оказывается не только оправданным, но диктуется самим материалом.

Принимая во внимание эти особенности, начнем с того, что попытаемся определиться со статусом рисунков в тексте (и, может быть, не только в этом), который мог предполагаться автором. Что вообще заставляет нас отложить текст и перейти к визуальному изображению чего-то, т.е. начать рисовать?

В одном из курсов по античной философии, прочитанном в 1980 г., Мамардашвили затрагивает эти темы на примере античного геометрического доказательства. Он задается вопросом: «Чем занимается геометр, когда он рисует чертеж, проводит линию? К чему относится его доказательство? К тому, что он нарисовал,

---

⁵ Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. С. 284.

к тому, что он начертил, построил и выполнил? (Можно даже механически выполнить чертежи в каких-то деревянных или металлических конструкциях.) Что он делает?»⁶

Было бы слишком большим упрощением полагать, что рисунки в геометрических задачах служат лишь наглядной иллюстрацией к формальному доказательству. В геометрических построениях, считает Мамардашвили, разыгрываются возможности построения своего рода «организующей ткани», где на особых конечных предметах выстраивается пространство «наглядно расположенного понимания»⁷. Чертеж не выступает в качестве хотя и несовершенной, но наглядной модели идеальных геометрических тел, относительно которых — при помощи чертежа — ведется доказательство: абсолютных прямых, идеальных треугольников или окружностей. Но чертеж, сколь бы далеким от идеального изображения он ни был, представляет собой модель нашего *понимания* этих идеальных тел и их свойств⁸. Событие понимания само в свою очередь является эмпирическим фактом. Мы мыслим в создаваемом нами пространстве несовершенного чертежа, и в этой «стихии чертежа» мы можем говорить об идеальных геометрических телах⁹. Выявляя в чертеже природу «стихии», Мамардашвили протягивает аналогию с античными учениями о стихиях-элементах — архаичными представлениями о существовании «особой организации чувств», и в таком прочтении чертеж становится развертывающимся пространством понимания, которое живет в ином, чем природные тела, режиме. Можно сказать, что в стихии геометрического доказательства в момент, когда доказательство получено, рождается геометр, способный его доказать, но все уже доказано, чертеж построен. Мераб Константинович говорит, что в такого рода стихии интеллигибельной материи: в «стихиях-элементах, стихии-полисе, в стихиях общин во Христе, в стихии чертежа как интеллигибельного пространства и так далее, в стихиях вещей» есть особого рода органы чувств, кото-

⁶ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. С. 119.

⁷ Там же.

⁸ Этот вопрос остается актуальным и для современных математических теорий. Например, теоремы «неформальной» математики обнаруживают структуру, сходную со структурой теорем «Начал» Эвклида. Так, помимо формальных правил вывода следствий из аксиом, они предполагают, в частности, конструктивные процедуры построения своих объектов, что соответствует

у Эвклида так называемым доказательствам по построению, которые опираются на процедуру построения чертежей. См., например: Родин А. Делать и показывать // Доказательство в математике: Сборник статей. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2013. С. 219–251.

⁹ Вероятно, утратой «стихии чертежа» объясняются возникающие порой затруднения в восприятии архивных документов, изданных в стандартном книжном наборе с распределением по сносам и комментариям авторских рукописных исправлений и вставок.

рые уже представляют собой понимание, располагая окружающие нас предметы «понятным для нас образом»¹⁰.

В этих же лекциях, говоря о порождающих пространствах в более широком контексте, обращаясь уже к XX веку, он называет романы Фолкнера, Джойса, Пруста, которые, по его мнению, не есть изображение или воспроизведение мира вне романа (хотя материал романа, — замечает он, — всегда есть изображение), но порождающие миры.

Так, в романе Пруста¹¹ порождается его носитель: «роман (...) кончается появлением персонажа, который может написать этот роман, уже написанный. Утраченное время обретено, и теперь можно рассказывать. А уже все рассказано»¹².

Рассуждения об интеллигибельных пространствах геометрических образов подводят нас к вопросу, связанному с названием курса лекций «Психологическая топология пути», к которому непосредственно относится обсуждаемый архивный документ: что означает слово «топология» у Мераба Мамардашвили? Что такое «психологическая топология»? Что такое «топология пути»?

«Топология, — пишет философ, — есть геометрия сродства, особого рода “одновременности” (“избирательное сродство” у Гёте¹³), особого рода протянутости». «Протянутость как особое условие событий знания и понимания, реализаций (когда есть разделение источников изменением и необходимостью “понимания” для “случая”)»¹⁴.

В одной из лекций по античной философии он, разбирая представление о логосе, приводит простые, можно сказать, обыденные, рассуждения, отчасти опирающиеся на изложение мифа об Эдипе в трагедии Софокла. Действительно, вряд ли можно не согласиться с тем, что жизнь любого из нас в каждый момент связана с тысячей обстоятельств, имеющих к нам отношение? Она словно зафиксирована в тысячах зеркальных осколков, разбросанных в пространстве и времени, которые мы не в силах собрать: всегда найдется какой-то осколок, в который «уложилось» то или иное наше действие или его последствия, быть может определяющее нас сегодняшних, и он лежит вне нашего взора. Соединение этих осколков, доступно оно нам или нет, собственно, и есть то, что греки называли бытием. На

¹⁰ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. С. 141.

¹¹ «...Странная и революционная по отношению к традиционному роману форма». — Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 728.

¹² Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. С. 85.

¹³ Отсылка к роману Гёте «Избирательное сродство» (1809 г.), в котором законы химического родства выступают своего рода элементом понимания или стихией человеческих страстей.

¹⁴ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 752.

это представление о бытии они накладывают образ «проблеска невидимого», в котором, если мы сможем его удержать, нам открывается образ целого. Изначальный смысл логоса заключается в собирании всего того, что относится к делу. Не важно, упустим мы при этом что-то или нет, — в процессе собирания возникнет какая-то неизвестная нам связь, зависимость, которая определит нашу жизнь. В предельном своем значении логос — это полное перечисление всех обстоятельств, относящихся к какому-то вопросу.

Греки полагали такое предельное перечисление существующим само по себе и обладающим собственной, присущей ему «сцепленностью». И это же, подчеркивает Мамардашвили, Аристотель позднее назовет топосом¹⁵. Именно у Аристотеля слово «топос» (место) будет сопоставлено с тем, что раньше соотносилось со словом «логос». Логос же у него будет соотноситься с определенной способностью нашего языка, называемой нами теперь логикой. Аристотель, — обращает внимание Мамардашвили, — говоря о топосе, вводит своего рода условие понятности мира, состоящее в том, что можно понимать только то, что «не является частью еще какого-то другого целого»¹⁶. И топос представляет собой такую целостность, находясь в пространстве которой, те или иные явления не оказываются частью какого-либо другого целого¹⁷.

Итак, топосом может быть названо место или пространство, обладающее свойством полноты и целостности, пространство возможности мысли, мысли как бытия.

В лекциях по античной философии есть еще один сюжет, который, на мой взгляд, имеет непосредственное отношение к обсуждаемой теме. В девятой лекции этого курса, говоря о Платоне, Мамардашвили вводит представление «онтологической абстракции порядка». С его точки зрения, к тому, что Платон называет идеей, или формой, следует подходить не как к гносеологической абстракции, не как к тому, что «совершается в нашей голове», но как к тому, что по существу является онтологическим, т. е. обладает «чертами бытия и существования»¹⁸.

Идеи Платона — это особые *природные* структуры, — подчеркивает Мамардашвили, — способные производить в мире порядок. И в процессе обсуждения так поставленной проблемы замечает: «...Иногда математические примеры бывают очень хороши; раньше философы были более образованны математически, и это по-

¹⁵ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. С. 62.

¹⁶ Там же. С. 63.

¹⁷ В современной математике с этим требованием можно сопоставить разнесение топологических пространств по группам гомологии.

¹⁸ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. С. 150.

могало им находить хорошие примеры для иллюстрации философских рассуждений. (...) (У Канта вообще много таких примеров). У Платона есть такие примеры, у Зенона — потрясающий пример чего-то, что мне пришлось рассказывать на философском языке, а первоначально было изложено на математическом языке (Ахиллес, догоняющий черепаху)¹⁹. Я показывал, что там содержатся какие-то совершенно другие проблемы, но, тем не менее, от примера отказаться не могу. Существует сетка, она называется сеткой Мёбиуса...»²⁰ При этих словах, как можно понять по магнитофонной записи, Мамардашвили подошел к доске и начал рисовать, делая по ходу комментария, которые, к сожалению, почти не слышны. К этому образу, правда, уже без изображения, Мамардашвили будет не раз возвращаться в последующих лекциях. Упоминается сетка Мёбиуса и в этом, обсуждаемом нами, архивном документе.

Как оказалось, приведенный Мамардашвили на лекции рисунок несложно реконструировать²¹. Воспользуемся образом, к которому мы уже обращались в связи с обсуждением понятия логоса. Представим себе множество точек, хаотически разбросанных на некоторой плоскости. Так можно представить себе нашу психическую жизнь: рассыпанные по бесконечной пространственно-временной плоскости точки-события. Такой образ мы встречаем, например, у Паскаля²² или у более близких к нам по времени авторов, например, у Осипа Манделштама. В эссе «О природе слова», к которому мы еще вернемся, есть такое рассуждение: «Движение бесконечной цепи явлений без начала и конца есть именно дурная бесконечность, ничего не говорящая уму, ищущему единства и связи, усыпляющая научную мысль легким и доступным эволюциониз-

¹⁹ «Весь груз зеноновского доказательства (не в его парадоксальной, отрицающей, или опровергающей, части, а в позитивной части) состоял в указании на то, что та непрерывность, о которой идет речь и которая является предпосылкой всякого нашего мышления (в том числе и о движении), как бы поперечна к нам: она не горизонтальна в реальном пространстве и времени, а лежит в каком-то другом измерении. Там должны быть так связаны моменты времени и пространства, чтобы мы потом здесь, в нашем реальном времени и пространстве, где совершаются движения, могли эти движения понимать». — *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии. С. 125.

²⁰ Там же. С. 154.

²¹ Что и было сделано в процессе подготовки к переизданию «Лекций по античной философии» в 2009 г.

На сегодняшний день я должен признать, что предложенное в этом издании в качестве реконструкции, помимо рисунка сетки Мёбиуса, еще и преобразование Мёбиуса идет несколько дальше того, что нарисовал тогда на лекции Мамардашвили, и отражает скорее идею возможного развития предложенного на лекции образа. Тогда была нарисована только сетка Мёбиуса. В последующих изданиях «Лекций» эта неточность была исправлена.

²² «Какие были у природы причины назначить мне именно такой предел и выбирать эту, а не другую точку в бесконечности, если у выбора нет оснований и ни одна точка не предпочтительнее другой». — *Паскаль Б.* Мысли / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 132.

мом, дающим, правда, видимость научного обобщения, но ценою отказа от всякого синтеза и внутреннего строя»²³. Как упорядочить это множество точек и тем самым придать ему смысл? Допустим, можно попытаться внести в них порядок, установив закон перехода от одной точки к другой. Проблема, однако, заключается в том, что позади каждого события на нашей плоскости лежит бесконечное число других таких же точек-событий, впереди — тоже бесконечность и каждая точка равноценна любой другой. Все наши попытки установить закон перехода от одной точки к другой оказываются лишь бесконечным воспроизведением все той же ситуации неопределенности. Не преодолеем ее мы и размещением на плоскости координатной сетки, например, из пересекающихся прямых.

Но представим, предлагает Мамардашвили, что нашему плоскому или двумерному пространству придано еще одно измерение. Разместим под нашей плоскостью сферу, касающуюся нашей поверхности в какой-то одной точке. Для получившейся фигуры установим правило, по которому каждой точке плоскости будет соответствовать определенная точка на сфере. Это можно сделать, например, соединяя попарно точки на сфере и на плоскости с помощью луча, исходящего из нижнего полюса сферы (точка Z), как если бы в точке Z располагался источник света (Рис. 1). Построенная по такому правилу проекция бесконечной плоскости на сферу получила в математике название сферы Неймана²⁴. Она была предложена в свое время для разрешения неудобств, с которыми столкнулись математики при представлении комплексных чисел в виде точек на плоскости. При таком представлении бесконечности соответствовала не какая-то удаленная точка, а неопределенная совокупность точек. Использование вместо плоскости ее сферической проекции решала эту проблему, бесконечность оказывалась спроецирована в точку, соответствующую в нашем случае точке Z . Сеткой Мёбиуса, к которой обращается Мамардашвили, называется наиболее наглядное представление такой проекции в виде отображения на сферу узелков прямоугольной координатной сетки, лежащей на плоскости²⁵.

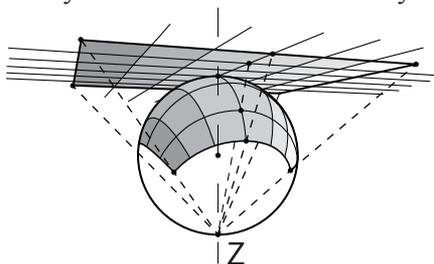

Рис.1. Сетка Мёбиуса (на рисунке представлено отображение на сферу лишь ограниченного участка плоскости)

²³ Цит. по: Мандельштам О.Э. О природе слова // Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1991. С. 242.

²⁴ См.: Чеботарев Н.Г. Теория алгебраических функций. М.-Л.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1948. С. 233–234.

²⁵ Такое представление проекции плоскости на сферу используется в картографии при составлении географических карт.

Что привлекло Мамардашвили в этом представлении?²⁶ Сетку Мёбиуса можно представить как систему некоторых упорядочивающих отношений между точками разноприродных пространств: бесконечно простирающейся плоскости и сферы произвольного радиуса — относительно некоторой общей для них точки. Такая система обладает рядом интересных свойств. Так, например, позволяет представить бесконечные отрезки, с которыми мы имеем дело на плоскости, в виде расположенных на сфере дуг конечной длины. Ее можно сравнить со своего рода телескопом, который (представим себя плоскими существами, живущими на плоскости, для которых горизонт событий ограничен ближайшей к ним точкой) «приближает» недостижимо, бесконечно удаленные от нас «предметы», преобразуя бесконечное в конечное. Можно сказать, что сетка собирает и упорядочивает относительно произвольно выбранной на плоскости точки все остальные точки по конечной карте-глобусу, выступая тем самым топосом, в пространственности которого возможно знание об удаленных точках и в этом смысле своего рода понимание нашей бесконечной плоскости.

Такими упорядочивающими свойствами, считает Мамардашвили, могут обладать в нашей реальной жизни — и в этом смысле выступать как топосы, — вполне материальные образования. Например, небо, в том смысле, в каком о нем рассуждали греки (в качестве «идеального астрономического тела»), выполняет функцию такого «телескопа» как материального носителя гармонии, «наблюдение которого (...) производило в наблюдающем (...) упорядоченность души»²⁷. Небо в данном случае выступает в качестве «онтологической абстракции», топоса как носителя порядка, который реально существует, но в каком-то ином, отличном от нашего пространстве и времени (мы могли бы его назвать топологическим), и который, в свою очередь, производит порядок в нашем мире. «...В жизни, в мире есть какая-то абстрактная ткань, — замечает Мамардашвили, — (“мёбиусные” точки), она есть организующая ткань: на ней собираются точки нашей бесконечной, беспредельной в пифагоровском смысле жизни, то есть жизни хаоса, распада. (...) Мы называем это структурами, а Платон именно это называл идеями»²⁸. Такую функцию упорядочивающей абстрактной ткани — «мёбиусных узелков»²⁹, по выражению Мамардашвили, — выполняют, например, у Пифагора, идеальные музыкальные инструменты. «Илиада» Гомера, в той мере, в какой она не рассматривается как нечто описываю-

²⁶ Нельзя не отметить широту и одновременно точность, с какой Мамардашвили использует в своих рассуждениях примеры из математики и естественных наук.

²⁷ Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. С. 156.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 162.

щее или изображающее, оказывается тем «топосом», местом, в котором греки только и могли быть «собранными» в качестве греков³⁰.

***

Обратимся теперь непосредственно к архивному документу.

На первых страницах привлекают внимание несколько положений, или тем, которые должны были, вероятно, получить развитие во вступительной лекции или во введении к предполагаемой книге.

В первую очередь это тема пути. Путь, о котором идет речь у Мамардашвили, необычен: он носит скорее транспространственную размерность, проходя в интервале между «Я» и «Я живущих». Размечая этот маршрут, Мераб Константинович обращается к образам «Божественной комедии» Данте: «Итак, мы можем не брать в расчет тех, о ком: “взгляни — и мимо”, они не ангажированы и не живут. Предельный целостный смысл привычно смотрящих и привычно-удобно, из страха не действующих³¹. Но зато весь мир, как опознанный обман-Герион, всплывает всей своей массой³² (у Пруста: с гулом³³) в *интервале Я = Я живущих*»³⁴.

Но вот вопрос: что заставляет нас отправляться в этот путь? «Зачем вообще [Прусту] писать, а нам — зачем рассуждать?»³⁵ —

³⁰ «Греки были греками, входя в топос “Илиады”, в мёбиусную сетку, в ткань произведения, в данном случае эпоса». — Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. С. 163.

³¹ ...То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел...
И смертный час для них недостижим,
И эта жизнь настолько нестерпима,
Что все другое было б легче им.
Их память на земле невоскресима;
От них и суд, и милость отошли.
Они не стоят слов: взгляни — и мимо.

Данте Алигьери. Ад. III, 34–51 // Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. с ит. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. С. 19.

³² Я видел — к нам из бездны, как пловец,
Взмывал какой-то образ возраставший,
Чудесный и для дерзостных сердец;
Так снизу возвращается нырявший,
Который якорь выпростать помог,
В камнях иль в чем-нибудь другом застрявший,
И правит станом и толчками ног.

Данте Алигьери. Ад. XVI, 130–136 // Там же. С. 75.

И образ омерзительный обмана,
Подплыв, но хвост к себе не подобрав,
Припал на берег всей громадой стана.

Данте Алигьери. Ад. XVII, 7–9 // Там же. С. 76.

³³ Мамардашвили обращает внимание на аллюзию прустовского образа с приведенными выше строками из Данте, в которых речь идет об образе обмана. Пруст так описывает переживание непроизвольного воспоминания, которое вызвал у Марселя, героя романа, вкус размоченного в липовом чае пирожного «мадлен»: «...в то самое мгновение, когда глоток чая с крошками пирожного коснулся моего нёба, я вздрогнул, пораженный необыкновенностью происходящего во мне. (...) ...я чувствую, как во мне что-то трепещет и перемещается, хочет подняться, снимается с якоря на большой глубине; не знаю, что это такое, но оно медленно плывет вверх; я ощущаю сопротивление, и до меня доносится рокот пройденных расстояний [*la rumeur des distances traversées*]. — I (Sw.) — p. 45–46 (1:Св:78–79)

³⁴ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 727.

³⁵ Там же. С. 728.

задается вопросом Мамардашвили. Он связывает с этим вопросом тему истины и то, каким образом мы можем что-либо понимать или знать в мире. При этом для него важна сама форма постановки вопроса о знании, которую он задает в следующем ключе: «Что (и как, какими путями) мы можем понимать и знать — в предположении, что истина сама есть явление и событие»³⁶. Связка знания и пути ведет нас еще к одной теме, к теме человеческого «предназначения». Именно из нее вырастает, полагает Мамардашвили, особая форма романа Пруста. Предназначение — это «знание, взятое вместе с путем»³⁷.

Тема пути получает уточнение через образ «особого, внутреннего» путешествия героя романа — путешествия «на плечах *опознанного* обмана»³⁸, и здесь опять идет переключка с дантовской символикой «Божественной комедии»: сходжение к глубинам души, символы Ада и Рая, вопрос о том, что мы должны сделать с собой, чтобы двинуться в эти глубины, и чем мы можем вытянуть из себя, опознать, обман? — «*искусством* под знаком Вергилия — веревкой в тьму (двойной!»³⁹)»⁴⁰.

Говорит Мамардашвили и об образе пути как о движении по некоторой «дуге» или «параболе», о сфере «внутри *интервала* Я = Я», об изменении себя. Это движение «туннельно», лишь после его прохождения мы соединяем точки этого *интервала* «по прямой в терминах нашего сознательного “Я”». С этим движением по «дуге» он сопоставляет другой дантовский образ, на этот раз из «Новой жизни». «В одном образе можно связать и дугу над разорванными частями “Я” (соединение которых и есть вечный *смысл*), и нашу топологическую идею сферы — это те “непонятные сло-

³⁶ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 728.

³⁷ Там же. С. 730.

³⁸ Там же. С. 728.

³⁹ Мамардашвили не раз возвращается к образу *двойной* веревки, которую Вергилий швыряет в бездну. В соответствующем эпизоде «Божественной комедии» говорится лишь о том, что Данте передает Вергилию свернутой веревку, которой был обвязан. Правда, прежде, чем свернуть, он освобождает веревку от узлов, удерживающих ее на нем и, тем самым, размыкает ее: «*Poscia ch'io l'ebbi tutta da me sciolta*». Этот момент подчеркивается и рифмой: *volta — sciolta — ravvolta*. По всей видимости именно с ним связан образ *двойной* веревки у Мамардашвили.

Стан у меня веревкой был обвит;
[*Io avea una corda intorno cinta,*]

Я думал ею рысь поймать когда-то,
[*e con essa pensai alcuna volta*]

Которой мех так весело блестит.

Я снял ее и, повинуюсь свято,

[*Poscia ch'io l'ebbi tutta da me sciolta*]

Вручил ее поэту моему,

[*si come 'l duca m'avea comandato,*]

Смотав плотней для лучшего обхвата

[*porsila a lui aggroppata e ravvolta*].

Он, боком став и так, чтобы ему

Не зацепить за выступы обрыва,

Швырнул ее в зияющую тьму.

Данте Алигьери. Ад. XVI, 106-112. // Указ. изд. С. 75.
(Автор приносит благодарность Сильване де Видович за помощь в разборе сюжета. — А. П.)

⁴⁰ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 729.

ва», что в гл. XII «Новой жизни» (неслучайное название!) говорит Данте явившийся ему во сне Амур (опять он!)»⁴¹. Речь идет об известном эпизоде из XII главы книги, где Данте вспоминает слова Амура, услышанные им во сне: «Он обратил взор туда, где я лежал, и, поглядев на меня некоторое время, вздохнул, и, как мне показалось, позвал меня, и сказал мне такие слова: “Сын мой, время пришло окончить притворство наше”. Тогда мне показалось, что я узнал его, так как он называл меня так уже много раз в моих сновиденьях. И я видел, что он как будто плакал горестно и, казалось, ждал от меня какого-нибудь слова; и я, решившись, начал говорить с ним так: “Благородный синьор, о чем ты плачешь?” А он мне ответил такими словами: “Я как бы центр круга, от которого равно отстоят части окружности, ты же — нет”»⁴².

В лекциях о Прусте, разбирая этот эпизод, Мамардашвили замечает, что Амур это не только символ любви, но он еще и Эрос, одухотворяющий, согласно Платону, людей на поиск истины, т.е. символ познания. Он слышит в словах ангела обращенный к Данте призыв вступить на путь познания себя и мира, на котором все равны и равноудалены от божественного взгляда⁴³.

Мы лишены права находиться там, где располагается божественный взгляд, в данном случае — взгляд Амура, т.е. лишены условия единства «Я», и поэтому для нас возможно познание, поскольку оно связано с изменением себя и, в этом смысле, сохранением себя «живым», «Я живущих». Этот сюжет из «Новой жизни» Мамардашвили

связывает с тем, что он называет «топологической идеей сферы»⁴⁴. В документе есть относящийся к этому эпизоду рисунок (Рис. 2) с комментарием: «Сфера внутри *интервала* Я = Я. То есть того “Я”, единство сознания которого было в классике условием атрибуции, объективации. Изменение себя, необратимость (весь мир уже прибежал и стал тобой в виде привычки “мира” языка и логики и ошестинился психологическими механизмами страха и лени-надежды...»⁴⁵

«Это классическое философское равенство, — продолжает он эту тему в лекциях, — тождество человека, или индивида, с самим собой, и мы усилием воображения должны его растянуть: в тож-

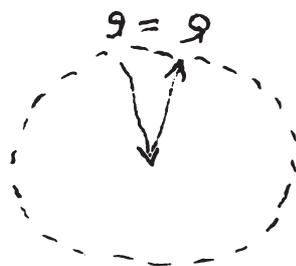

Рис. 2.

⁴¹ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 730.

⁴² Данте. Новая жизнь. Самара: Типография Штаба 4-й армии, 1918. С. 37–38.

⁴³ Наст. изд. С. 50–51.

⁴⁴ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 730.

⁴⁵ Там же.

Подобный же рисунок есть и в тетрадах. См.: Тетрады // Наст. изд. С. 772.

дестве, мы знаем, не остается свободного пространства, потому что “Я” = “Я”, но мы должны воображением растянуть его так, чтобы поместить в этот интервал целый мир. Все, что мы должны понять в Прусте, так же как и в том, каким образом работают структуры нашей сознательной жизни, требует от нас большого усилия и напряжения воображения, потому что логически мы все равно ничего не поймем, но если вообразим, то, может быть, воображение откроет нам путь для логического или рационального рассуждения»⁴⁶. Он связывает эту сферу с древним символом, известным со времен Ксенофана Колофонского: бесконечная сфера, центр которой везде, а окружность или окраина — нигде⁴⁷. Дантовские темы и символы, которые вовлекает Мамардашвили в анализ текста Пруста, выступают у него не просто красивыми образами или украшениями речи, они — «соответствия, *correspondances* организации сознательной жизни на многих»; это «скорее первообразность»⁴⁸.

Среди тем, намеченных в рукописи к дальнейшему развитию, тема события знания занимает важное место. Быть может, некоторые скрытые предпосылки его рассуждений станут понятнее, если мы обратимся к его более ранней, оставшейся незавершенной работе «Стрела познания»⁴⁹, в которой тема истины, тема познания мира являются одними из главных.

В этой работе, как и в рассматриваемой рукописи, Мамардашвили, ставя вопрос о возможности познания, исходит из положения, что сам факт познания мира, факт извлечения опыта есть, в свою очередь, опытное явление, событие того же самого мира, который нами познается. Из так поставленного вопроса о познании возникает проблема места события знания или проблема пространственно-временной феноменологии события знания⁵⁰.

Он начинает размышления с простых рассуждений, с сопоставления двух высказываний. Одно из них: «В мире произошло событие *A*» или «В мире произошло событие *B*», и другое высказывание: «В мире произошло *A*, потом *B*» или «В мире про-

⁴⁶ Наст. изд. С. 52.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 730.

«...эти “крупные символы” не могут не выплескиваться и появляться при малейшей попытке *жить* — жить (во всей полноте) в полном смысле этого слова». — Там же. С. 733.

⁴⁹ Мамардашвили М.К. Стрела познания. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

⁵⁰ «Если же события выделять, тогда их нужно помещать в какую-то реальность. Они где-то очевидно должны происходить, в каком-то пространстве и времени». — Там же. С. 13.

Ср.: «Путешествие его [Данте] было действительно: но если бы кто-то стал отрицать последнее, то во всяком случае оно должно быть признано поэтической действительностью, т.е. представимым и мыслимым, — значит, содержащим в себе данные для уяснения геометрических предпосылок». — Флоренский П. Мнимости в геометрии. М.: Лазурь, 1991. С. 46.

изошло *B*, потом снова *B*». Если в первом случае о мире сказать ничего нельзя, то во втором случае высказывание фиксирует дополнительный по отношению к первому высказыванию шаг, вводится «интервал», на котором в мир входит различие: между миром с событием *A* и миром с событием *B* или миром с событием *B* и миром опять с событием *B*⁵¹. О мире мы можем что-то сказать, только после того как случилось нечто необратимое, а именно в мире получило место событие знания. Здесь Мамардашвили также вводит представление о «понимательном топосе», или «интервале “понимательной вещи”»⁵². Понимательный топос он сравнивает с телесной тканью, это сеть, «сплетающая нас вместе в “божественной среде”, в которой развязаны связи из естественного ряда, — в ней нужно создать себя (как бы заново родиться, ср.: Декарт⁵³) и тем самым как бы заново породить пережитый мир, т.е. создать, чтобы испытать, понять, чтобы пережить»⁵⁴. Тела этой сети утоплены — и в «Стреле познания» представлен широкий набор образов — в «разнопространственных мешочках», «пазухах», «временных сумках», «сферах-небесах», «складках», «полостях конечной протяженности», «глубинах». Но все эти складки-топосы закрыты для внешнего (гносеологического) наблюдателя, «разглажены на плоскости в точку» — «развитие (“интервал”) свернулось в субъекта и не видно взгляду, разглаживающему в плоскость прямого и повторимого опыта (не видно ни стороннему взгляду, ни субъекту; такая субъективность не дана, а реконструируется с трудом, то есть объективно)»⁵⁵. Но именно в них, в этих временных «сумках» или «интервалах» располагается «внутренняя история» или «историчность» истины, здесь располагается то, что Мамардашвили называет пространствами «отсроченного действия», «ноогенными машинами», «производящими машинами времени», «экстатическими машинами», «машинами-произведениями», «порождающими артефактами», «*opera operans*»⁵⁶.

В «Стреле познания» он представляет пространство такой ноогенной машины рисунком (Рис. 3): «Во временной “сумке” отсроченного действия, которую я рисую, мы должны, следовательно, расположить машину времени, “ноогенную машину”. Это, так сказать, в сумке с несомкнутым верхом и видимости прямого (абсолютного)

⁵¹ Мамардашвили М.К. Стрела познания. С. 37–38.

⁵² Там же. С. 159.

⁵³ «...для того чтобы сохраняться во все мгновения своей продолжительности, субстанция нуждается в той же силе и в том же действии, которые были бы необходимы для ее порождения, создания сызнова, в том случае, если бы она еще не существовала...» —

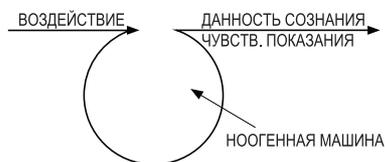
Декарт Р. Метафизические размышления / Пер. с фр. В.В. Соколова // Декарт Р. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 367.

⁵⁴ Мамардашвили М.К. Стрела познания. С. 38.

⁵⁵ Там же. С. 38, 39, 41, 53.

⁵⁶ Там же. С. 83.

Рис. 3.

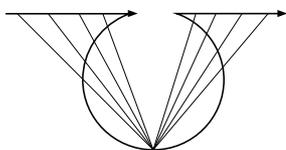

контакта (он затем у нас сомкнется в смысле недоступности того, что внутри) внешнему наблюдению, которое прямо видит воздействие объекта (удваивая мир)⁵⁷.

Наблюдатель, не замечающий «интервала», увидит лишь тождество одной и той же точки: $Я=Я$, ближайшая естественная причина определяет следствие, мир есть продолжение свойств предметов мира, а моя любовь есть следствие качеств предмета моей любви, и т. д.

Можно заметить, что этот рисунок представляет собой срез или двухмерный случай нашего объемного изображения сетки Мёбиуса. Для более точного соответствия протянем из нижней точки окружности к прямой лучи, они будут пересекать теперь уже не поверхность сферы, а окружность. Стрелки на прямой указывают ход времени (Рис. 4). В результате устанавливается правило соотношения точек окружности и прямой, или правило построения проекции прямой на окружность, при этом появляется возможность установления и поперечных связей между протянутыми лучами. И если не ограничиваться лишь геометрическим прочтением полученного изображения, а попробовать придать ему структурное или даже образное звучание, то можно сказать, что прочерченный пучок лучей подобен раскрывшемуся вееру из створок прошлого, настоящего и будущего. Такого рисунка в «Стреле познания» нет, но в конце книги, где текст словно

Рис. 4.

начинает ускоряться, — сбиваясь на почти телеграфный стиль чернового наброска, — в сжатые остающиеся нераскрытыми формулировки, Мамардашвили бросает короткую фразу: «Веер Мандельштама»⁵⁸.

В курсе лекций о Прусте 1984 года Мамардашвили несколько раз возвращается к образу времени как веера. Этот отсылающий к Бергсону образ звучит в его лекциях в интерпретации, предложенной Осипом Мандельштамом. Действительно, Мандельштам его заимствует из «Творческой эволюции»⁵⁹, но вкладывает в него

⁵⁷ Мамардашвили М.К. Стрела познания. С. 83.

⁵⁸ «Видимость линейного движения (как бы переваливающего через точку «настоящего») при том, что смыслы идут и «вбок», «боковая эволюция»; иначе движения были бы невозможны, ибо нет пустоты; поэтому, с другой стороны, незнание (в смысле проблемы) порождается, а не существует. Веер Мандельштама. (Формальные типы)». — Мамардашвили М.К. Стрела познания. С. 252.

⁵⁹ К такому образу Бергсон обращается в своей критике представления об абстрактном времени, с которым наука подходит к описанию отдельно взятого тела или отдельной системы, предполагающем противоречащую нашему опыту жизни возможность развернуть «сразу, подобно вееру» историю их прошлого, настоящего и будущего: «Рассуждая об отдельных системах, мы можем сколько угодно предполагать, что прошлая, настоящая и будущая история каждой из них может

иной по сравнению с первоначальным смыслом⁶⁰. Бергсоновский образ в передаче Мандельштама теряет исходные негативные коннотации и превращается в метафору времени как «внутренней связи вещей», порядка их «пространственной протяженности», выпадающего из линейной временной последовательности⁶¹. Можно сказать, что образ времени как веера разворачивается у Мандельштама в иной, чем у Бергсона, топологии⁶².

Образами пространственной протяженности внутренней связи времен наполнен сборник стихотворений Мандельштама *Tristia*⁶³, среди которых слышен и образ времени как веера⁶⁴: «И раскрывается с шуршанием / Печальный веер прошлых лет...», который замыкается на знаки смерти: «Туда душа моя стремится, / За мистический Меганом, / И черный парус возвратится / Оттуда после похорон!»⁶⁵

Как «раскрыть» этот веер времени? Как попасть во временную «сумку», оказаться внутренним наблюдателем, «заглянуть», — как

быть развернута сразу, подобно вееру: но история эта все же будет разворачиваться постепенно, как будто ее длительность была аналогична нашей». — Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр. В. Флеровой. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 46.

⁶⁰ Пак Сун Юн. Время — длительность — память в творчестве О. Мандельштама (К рецепции философии А. Бергсона в России) // *Credo*. 2007. № 2. — <http://credonew.ru/content/view/609/59/>

⁶¹ «Бергсон рассматривает явления не в порядке их подчинения закону временной последовательности, а как бы в порядке их пространственной протяженности. Его интересует исключительно внутренняя связь явлений. Эту связь он освобождает от времени и рассматривает отдельно. Таким образом, связанные между собой явления образуют как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время они поддаются умпостижаемому свертыванию. Уподобление объединенных во времени явлений такому вееру подчеркивает только их внутреннюю связь...» — Мандельштам О.Э. О причине слова (1922 г.) // Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Терра, 1991. С. 242.

⁶² «...скрытый, невидимый синтез времени, последовательности → невидимая история как механизм и условие последовательности, сама не являющаяся последовательностью...» — Мамардашвили М.К. Стрела познания. С. 253.

⁶³ Скорбные песни (*лат.*)

⁶⁴ Как *correspondance* звучат строки из «Веера времени» Зинаиды Гиппиус:

(...)

Когда-то ради нашей малости
И ради слабых наших сил
Господь от нежности и жалости
Нам Вечность — веером раскрыл.

Но ты спасительного длениа
Из Божьих рук не приняла
И на забвенные мгновения
Живую ткань разорвала

С тех пор бегут они и множатся,
Всегда дробясь среди пустоты...
Но вечный веер снова сложится,
И буду я — не там, где ты.

Гиппиус З. «Веер времени» (1924 г.) // Современные записки. 1924. Вып. XX. С. 222.

Возможно, именно у Гиппиус впервые появляется словосочетание «веер времени».

⁶⁵ Мандельштам О.Э. «Еще далёко асфоделей...» (1917 г.) // Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 98.

скажет Мамардашвили, — за сторону листа)?⁶⁶ Это возможно лишь «случайно и неизбежно»⁶⁷, — запишет он, практически воспроизводя слова Делёза из работы «Пруст и знаки»: «... философскому понятию “метода” Пруст противопоставляет двойное понятие — “неотвратимость” [*contrainte*] и “случайность” [*hasard*]. Истина зависит от встречи с чем-то, что вынудит нас думать и искать правду. Случайность встреч и давление неотвратимости — две фундаментальные прустовские темы»⁶⁸.

«Идеи, образуемые чистым умом, имеют лишь логическую, возможную истинность, выбор их произволен», — цитирует Мамардашвили Пруста. Попадание «за сторону листа» означает путь, и значит: «время, — время для чего? Для того чтобы истина, сказавшаяся покраснением щек Альбертины, — сказала»⁶⁹. Иначе вся Альбертина оказывается составленной из одних лишь «когитальных актов восприятия»⁷⁰. «Одно дело — увидеть щеки, а другое — увидеть истину; и вот то, что между ними, — и есть время, то есть нечто между предметом и им же самим: между покрасневшими щеками и покрасневшими щеками, между стуком окошка и стуком окошка. Между ними — время»⁷¹.

Вхождение в порождающее пространство возможно лишь через обращение к нам невидимого, которое приковывает нас к своему образу, «вспучивая»⁷² поле видения завораживающими нас фигурами. Оно определяется не глубиной предмета нашего внимания, но глубиной нашего заблуждения, нашей тени, которая всегда только наша, у каждого своя. Отсюда у Мамардашвили возникает образ «теломерного взгляда», только в луче которого видим «вспученное» пространство.

Собственно, работа с этим обращенным к нам невидимым и составляет для Мамардашвили суть метафизики: «Метафизическое = все, чему нельзя придать смысл в пределах и границах нашей жизни (и в терминах наших жизненных содержаний (мол, должно оправдываться, вознаграждаться, показывать себя)) и что, тем не менее, есть (невидимое), и без чего требования *факта* разума недействительны (а он — факт). Невидимое — в абсурде, парадоксе, юморе (поди определи!). Просто свойства тигля, матрицы, в которой мы сами рождаемся, и поэтому неанализируемые»⁷³.

Заглянуть за сторону листа несложно, читаем в документе, — «истина проста, нужно узнать “*divinité*” [«божество» (*фр.*)] (то, что

⁶⁶ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 729.

⁶⁷ Там же. С. 746.

⁶⁸ Делёз Ж. Пруст и знаки / Пер. с фр. Е.Г. Соколова. М.—СПб.: Алетея, 1999. С. 41.

⁶⁹ Наст. изд. С. 576.

⁷⁰ Там же. С. 404.

⁷¹ Там же. С. 576.

⁷² Опять сферический образ!

⁷³ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 730.

нами уже принято и чему мы преподносим “*offrande*” [«дар» (*фр.*)], гипостазировав воображаемый фокус)⁷⁴; и ниже: «Безразмерное изменение → телескоп (размерности потом). А мир — играющее дите)⁷⁵. И если для героя романа Пруста таким приближением к *divinité* окажется пирожное «мадлен», накрахмаленная салфетка, шум радиатора отопления и... Альбертина, то, например, для Ньютона, и Мамардашвили не раз говорит об этом, это будет яблоко⁷⁶. «...“истина” ведь тоже пафос, страстная сила — даже неправду питает ее неделимый пафос!»⁷⁷

«Проблески» иного мира прочерчивают «“двойную борозду” как след мгновенного проглядывания чего-то между объектами)⁷⁸. Нужно ухватиться за этот след и выйти к неким «объектам», «соотнесенность с которыми и понимание которых становится работой порождения смыслов и их пространством)⁷⁹. «В их горизонте — “внутренний” (дважды рожденный) и универсальный человек. Человек как онтологическая *форма*, профанический (а не религиозный лишь, как после греков), следовательно, и гражданственный “внутренний человек”, личность, дважды рожденное существо)⁸⁰. Понять такое устройство мира мы можем, лишь «внося в жизнь предельную точку зрения смерти)⁸¹.

«Пафосы (любовь, ненависть и т.п.) — они неразложимы *впрямую*, в лоб (...) всегда есть точка, к которой нельзя прийти прямо (и соприкосновение ненаблюдаемо), и в свете ее, по отношению к ней выступает точка равноденствия, после которой — все изменения». И далее: «Переключение пафосов на “высокое” за “предметным” → *свобода* (...) Пафосы беспредметны, с элементом первичного воображения (идя от пафоса смерти), и всегда имеют предмет (на пределе “тела” из теломерного “взгляда”). Начало и логоса, и образа. И если сзади есть “история” пафосов, то впереди есть “встреча” и освобождение (поэтому и обидчика любим: он открыл нам, любим его божественной любовью и можем себя тратить и расставаться, вырываясь из крючков *несправедливого* к нам любимого, ибо открыли то, что есть)⁸².

Топологию пути реализации себя Мамардашвили изображает двумя конусообразными воронками, выталкивающей и втягивающей, охватывающими все точки пафоса, или точки сингулярности. «Воронки напряжения – сопряжения сил и канализации по *«lignes*

⁷⁴ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 732.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ «Встреча в будущем с “яблоком”. Разве Ньютон искал его? Так же как Пруст не искал “мадлен” или плиты мостовой». — Там же. С. 746.

⁷⁷ Там же. С. 735.

⁷⁸ Там же. С. 734.

⁷⁹ Там же. С. 734–735.

⁸⁰ Там же. С. 769.

⁸¹ Там же. С. 735.

⁸² Там же. С. 740.

aimantées» [«магнитным линиям» (*фр.*)]»⁸³. (Рис. 5).

Итак, есть сингулярные точки, в которых к нам обращаются вещи, но не как объекты наблюдения, а как сообщения, как знаки иного события (вспомним у Пруста: «словно первые или последние аккорды некоего загадочного торжества»⁸⁴), как возможность воссоединения с собой подлинным, — точки, вовлекающие нас в движение по внутреннему колодецу, который есть колодец страданий, что, расширяясь во времени, стягивает груз пережитого на нас и, лишая возможности опереться на прошлое, выталкивает в точку «равноденствия» (Рис. 6). Все «тяжести» знания, богатства не весят больше ничего, «весь наш мир — внутри малюсенькой точки»⁸⁵. Это точка начала расширения нашей души. Подобно Данте, ведомому Вергилием, мы должны совершить в ней переворот. Нужно перевернуть фигуру, — комментирует рисунок Мамардашвили, — «чтобы получить пространство реализации (актуализации многомерной) процессов и событий, состояний и событий. Но повернулись вокруг мнимой оси. И начали транскрипцию»⁸⁶.

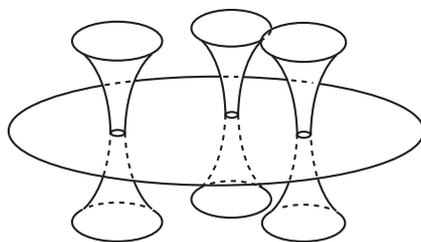
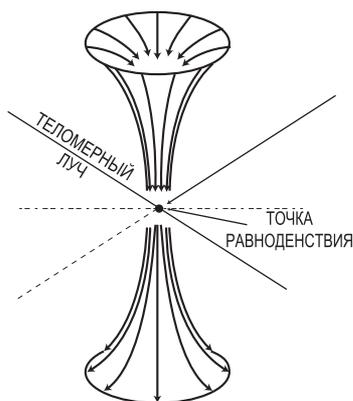

Рис. 5.

Рис. 6.

Нельзя, однако, не заметить, что предлагаемая топология сходящихся и расходящихся воронок не раскрывает осуществимость предполагаемого перехода, оставляя структурную необходимость и возможность «поворота» и «транскрипции» лишь на уровне слов. Вероятно, в поисках ускользающего решения Мамардашвили вновь в вновь возвращается к разным вариантам изображения этой схемы. Такого рода наброски мы встречаем не только в комментируемом документе, но есть они и в тетрадах, и в подготовительных материалах ко второму циклу лекций о Прусте.

В то же время он находит определение для этих воронок: *индуктивные*. В тетрадах есть даже набросок рисунка, на котором сужающаяся и расширяющаяся воронки представлены по аналогии с тем, как изображают напряженность магнитного поля, ин-

⁸³ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 740.

⁸⁴ II (S.G.) — p. 796 (3:CF:232).

⁸⁵ Наст. изд. С. 67.

⁸⁶ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 756.

дуцированного витком электрического поля⁸⁷. В физике в следующий момент индуцированный поток магнитного поля должен, в свою очередь, породить вихрь электрического поля и т. д. Это модель распространения электромагнитного поля. Свет также имеет электромагнитную природу. Нигде не указывая прямо на эту аналогию, Мамардашвили выбирает слово «индуктивные» не только для «наведения» в головах слушателей известных им представлений из физики⁸⁸. В образе индукции, как представляется, он видит метафору принуждения к движению по сужающимся и затем расширяющимся траекториям, или, как он скажет: вдоль «*lignes aimantées*» [вдоль «магнитных линий»]⁸⁹, которые порождаются вихревыми процессами иной природы, разворачивающимися за пределами возможностей нашего представления (в предложенной топологии речь идет о нашем зрении, неспособном выйти за стенки конусов). Он словно пытается наполнить мыслительное пространство образами понятных нам, «умных» вещей. Вместе с тем Мамардашвили явно находится в поисках топологической формы «переворота» и «транскрипции».

Возможность построения топологии события переворота и транскрипции, на мой взгляд, существует. Более того, для этого практически весь необходимый инструментарий у нас уже есть.

Я имею в виду рассмотренную нами ранее структурную связку сферы и плоскости (Рис. 1). В качестве предварительного шага обратимся вновь к упоминавшемуся уже сюжету из Данте, в котором явившийся во сне ангел пожелал Данте встать в его круг. Как мы помним, в интерпретации Мамардашвили этого образа речь идет о призыве начать движение по пути, ведущему к подлинному «Я», к «Я живущих», по сфере внутри интервала Я = Я.

Возможность такого движения Мамардашвили связывает с наличием «пафоса», в случае Данте — это чувство любви. Момент возникновения пафоса это рождение точечной сингулярности (в нашей топологической структуре это точка «Я'»): встреча с предметом, в котором независимо от нас и нашего желания мы уже есть, мир уже включил в себя нас и наше «понимание» этого предмета⁹⁰. Мы «уже любя, не можем вспомнить обстоятельств “полюбления”, и то, что нужно вспомнить, “мы того никогда не узнаем”»⁹¹, — приводит он слова Пруста. «Предмет выхвачен в про-

⁸⁷ См.: Тетради // Наст. изд. С. 774.

⁸⁸ «Я прибегаю к образу воронки, потому что он должен помочь нам в смысле наших способностей физических ассоциаций». — Наст. изд. С. 256.

⁸⁹ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 740.

«Золотые двери мира грез», смыкающиеся за Ра-

шель, М. Мамардашвили сравнивает с «магнитными ловушками». См.: Тетради // Наст. изд. С. 827.

⁹⁰ Нельзя не вспомнить слова Гераклита: «На входящего в те же самые реки новые и новые воды текут и души дыхания выдыхаются из влаги». — 12 DK.

⁹¹ Тетради // Наст. изд. С. 957.

странстве (небесном) скрещивающихся, плетущих причудливую, переменчивую и непрерывно завязывающуюся (развязывающуюся) сеть теломерных лучей=взглядов»⁹².

Мамардашвили часто приводит описание Прустом сцены первого знакомства Сен-Лу с Рашель в качестве архетипической. «Пустое размытое лицо Рашель — пиши, что хочешь! Но Марсель смотрит вблизи (и оно крупно-зернисто-пятнисто), а Сен-Лу (...) увидел ее впервые в театре, где, будучи один, “имел *puissance* [силу (*фр.*)] мечтания”...»⁹³ «Влияние независимой “геометрии”»⁹⁴, — замечает Мамардашвили в другом месте. Можно добавить: индукция, наведенная вихрями иной природы. «Вот почему желание, возбужденное в нем актрисой с тонкими чертами, которые даже не сохранились в воспоминании Робера, привело к тому, что (...) он заставил представить себя веснушчатой особе с расплывчатыми чертами, так как это была та самая, что пленила его на сцене...» — цитирует Мамардашвили Пруста и к завершающей фразе: «...и отложил на будущее время попытку выяснить, которой же из двух была она в действительности» — делает замечание: «...есть время нерешительности (...) Но завтрашний день уже будет желанием»⁹⁵. Произойдет кристаллизация, на Сен-Лу опустится «“высокое” — желание счастья и т. д. (запирая во “внутреннем лице” живущего в нем самом персонажа) Рашель...». «Золотые ворота» затворились, наш взгляд обрел «теломерность». И в следующий за этим момент времени, на каждом следующем шаге все будет повторяться вновь.

Такого рода пафосом или сингулярностью Мамардашвили наделяет у Пруста не только любовные переживания, с ними связана и случайная «встреча» с камнями мостовой, запах бензина, пирожное «мадлен», цветущий боярышник у дороги и проч., и проч. В этих «встречах», мы, по словам Пруста, словно попадаем в поле какого-то взгляда, ужимаемся в точку, обладающую качеством полноты, где свернулась бесконечность, — «...истина уже есть, будущее уже зашло в пережитое прошлое, и его нужно лишь высвободить как прошлое...»⁹⁶

Но если воспользовались «временем нерешительности» и ушли «в сдвиг вбок от повторения в последовательности», то оказываемся в «точке равноденствия». В нашей топологии ей соответствует нижний полюс (точка *Z*) нашей сферы (Рис. 7), в которой веером сходятся лучи проекций-отражений всех точек плоскости, всего бесконечного пространства-времени. Вспомним

⁹² Аллюзия на описание Прустом воздушного боя над Парижем. Цит по: Тетради // Наст. изд. С. 827.

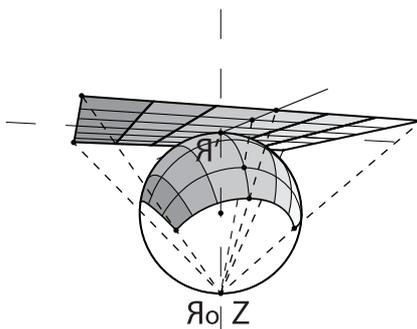
⁹³ Там же.

⁹⁴ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 758.

⁹⁵ Тетради // Наст. изд. С. 828.

⁹⁶ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 746.

Рис. 7.

образы Данте: «И вот, пока мы шли к той середине, / Где сходится всех тяжестей поток», Мандельштам: «И раскрывается с шуршанием / Печальный веер прошлых лет...» или Гиппиус: «Господь от нежности и жалости / Нам Вечность — веером раскрыл». Эта точка полноты сознания. «Борьба со временем, стояние, т.е. геометрия (сознание — то, что стоит против времени)»⁹⁷ — предложит Мамардашвили топологическую характеристику этой точки. Она же — точка смерти и одновременно начало «новой жизни», в котором открывается возможность перехода от сознания к смыслу⁹⁸, стремление к чему только и может заставить нас тронуться в путь, «...по сути, надо начать с аксиомы: всегда есть точка, к которой нельзя прийти прямо (и соприкосновение ненаблюдаемо), и в свете ее, по отношению к ней выступает точка равноденствия, после которой — все изменения»⁹⁹. Однако оказавшись в точке равноденствия, можно, не начав движения, вернуться назад, продолжить себя прежнего и погрузиться во «внешнюю цепь» причин и следствий своих пафосов, лишь на мгновение испытав зачарованность или потрясение открывшимся видением¹⁰⁰. И в этом смысле «умереть к себе самому»¹⁰¹.

Воспользуемся опять образом из Данте. Именно движение по дуге сферы выбирает Мамардашвили в качестве топологического образа «искусства под знаком Вергилия». Оно, собственно, и есть «поворот», движение на «плечах опознанного обмана», увлекающее за собой сознание мира, которое открылось нам в точке равноденствия: «двинуться по линиям времени в сфере (петляющим,

⁹⁷ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 752.

⁹⁸ «...конец сознания, начало смысла». — Там же. С. 756.

Заметим, что М. Мамардашвили и Пятигорский в совместной книге «Символы сознания» называют то, чем они занимаются, «борьбой с сознанием». См.: Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символы сознания. М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. С. 22–23.

⁹⁹ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 740.

¹⁰⁰ Мамардашвили пересказывает сюжет из Пруста: «...художник, выйдя к точке обмена своей души на

универсальную душу, или к точке прерывистого пребывания в абсолютной истине, может или заболеть, или отвлечься, или отложить труд своей жизни, или истратить свою эмоцию на полуобморочные восклицания: “Ах, как красиво!”, “Ах, какие очаровательные люди!” — на эти первые эссе, первые опыты природы». — Наст. изд. С. 406.

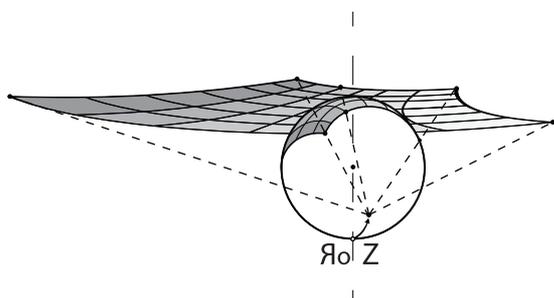
¹⁰¹ «...et l'esprit meurt à soi-même...» — III (T.R.) — p. 905. См. так же: наст. изд. С. 531.

Или, если воспользоваться образом Гиппиус, «разорвать живую ткань на забвенные мгновенья».

соединяющим поверх территории разнородное, разрывающим и связывающим, см. стр. 24 «Пруст и знаки»¹⁰²)»¹⁰³.

Предложенная сферическая топология позволяет представить это движение в виде поворота сетки Мёбиуса относительно центра

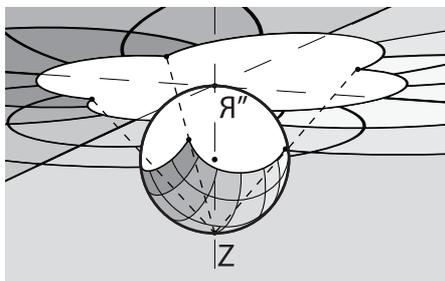
Рис. 8.

сферы, которая остается неподвижной. При этом мы можем сохранить представление Мамардашвили об индуктивном взаимодействии, сохранив правило первоначального построения

сетки Мёбиуса, согласно которому соответствующие пары точек плоскости и сетки лежат на луче, выходящем из точки Z (Рис. 8). Движение по сфере сетки Мёбиуса с выполнением указанного правила влечет за собой инверсию плоскости, подобно вихрю индуцируя новую форму «мира»¹⁰⁴. Двигаясь по дуге из $Я_0$ в $Я''$ (если воспользоваться обозначениями Мамардашвили), неся на своих плечах тяжесть знания мира, мы по дороге «перевертываемся» и оказываемся вновь в точке нашего «входа» в сферу, но на другой стороне «интервала», «не там, где ты», в другом мире, с другим небом над головой (Рис. 9). Бесконечно далекое стало близким, правое — левым, прошлое — будущим.

Рис. 9.

В результате прохождением пути или работы «искусства под знаком Вергилия» происходит «растворение» первоначальной кристаллизации или пафоса. Но не ведет ли это лишь к новой кристаллизации, очередному «Я»? Мамардашвили замечает: «Одно дело —

кристаллизация *identity* (и воспроизводство себе подобного) вокруг неделимого пафоса страсти (всегда утилитарно и контекстуально осмысленного), другое дело — вокруг абсолютного (невидимого,

¹⁰² Вероятно, отсылка к следующей фразе: «Каждый род знаков участвует в нескольких линиях времени, каждая линия смешивает различное количество знаков». — Deleuze G. *Proust et les signes*. Paris: PUF, 1970. P. 24. (Перевод мой. — А. П.)

¹⁰³ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 746.

¹⁰⁴ Фактически речь идет о так называемом преобразовании Мёбиуса в его наглядном представлении. См.: Arnold D.N., Rogness J. *Möbius Transformations Revealed // Notices of the AMS*. Vol. 55. Number 10. 2008. P. 1226–1231. Рисунки из этой работы послужили основой для создания представленных здесь изображений преобразования Мёбиуса.

непрерывно становящегося), вокруг «высших» объектов (состояний). Лишь последнему открыта реальность и законы. Открыты в метафизическом и экзистенциальном самостановлении и самопознании. Но тогда *identity* уже будет в пространстве эк-стазиса, вне-себя-бытия, там-бытия»¹⁰⁵. Новая форма, кристаллизуя процессы, делает их условием нового опыта.

***

Последняя страница документа озаглавлена «Переворачивание превращенной формы», которая, на наш взгляд, может служить своего рода текстовым выражением предложенной топологической структуры. Это несколько отдельных абзацев текста, частично напечатанного, частично написанного от руки. Приведу лишь некоторые из них.

«Перевернуть себя в отношении к данностям:

исходное

↓

полученное

(выпадение вбок, в “дыру” пространства, и соединение точек, т. е. это, по сути дела, свойства сети Мёбиуса, которые должны быть описаны).

Изменение всех значений “далекого” и “близкого”, “пространственно связного” и “пространственно разделенного”, “центрального” и “бокового”, “левого” и “правого”, “нижнего” (исходного) и “верхнего” (выводимого, надстраиваемого) и т. п. В нетривиальной многослойной или пучковой топологии это последнее отношение и оказывается нелинейным, не “далеким–близким”, в последовательности одного слоя — “далекое” оказывается “близким”, кривая в сфере короче, чем прямая, и, главное, можно дотянуться до того, до чего не можем дотянуться по прямой в силу конечного ограничения. (...) Тогда проекции на гиперплоскость оказываются разорванными, нужно сшивать и склеивать куски, не соединяемые одним непрерывным преобразованием, а для склейки нужны основания, которые не лежат в плоскости (а, в терминах сознания, скрыты от нее и ненаблюдаемы)»¹⁰⁶.

***

Топологическому образу сферы и связанным с ним «сферически-сдвиговому» движению Мамардашвили придает предельно динамический характер, непосредственно соотнося его с состоянием полноты жизни: «...жить! Жить, смещаясь, как центр, который

¹⁰⁵ Мамардашвили М.К. Психологическая топология ¹⁰⁶ Материалы к лекциям // Наст. изд. С. 759–760. пути. Т. 2. С. 894.

езде, а периферия которого нигде, и все это отсутствует во внешнем пространстве наблюдения, ибо продолжено в нас, в нас проросло и переплелось подземными путями, «туннельно». *Versus* предметный бег описания и эрудиции. На волне=пилоте, втягивающей из своей точки-пертурбации включения весь мир»¹⁰⁷.

«Ходить вдоль и поперек», — продолжает Мамардашвили эту мысль в другом месте, — нам мешает «метафорический элемент», связанный с нашим воображением. Но тогда, заключает он, «лучше “прожить”¹⁰⁸ метафору, чем быть ею. Порванная нить жизни должна быть завязана, завязана в точки роста. Там, где крайняя опасность, там и спасение»¹⁰⁹.

Предложенная топологическая структура, на мой взгляд, обнаруживает неожиданную, при, казалось бы, явных различиях в используемой авторами терминологии и эстетике интонирования, структурную общность подхода Мамардашвили и представленного в книге «Пруст и знаки» подхода Делёза к роману Пруста.

Эта структурная общность особенно отчетливо проступает в «Заключении» ко второй части исследования Делёза, озаглавленном «Присутствие и функция безумия. Паук»¹¹⁰, в котором вводится образ «тела без органов». Делёз обращает внимание на ту настойчивость, с какой Пруст изображает героя-рассказчика лишенным естественной способности видеть, воспринимать, осязать. Рассказчик буквально лишен органов чувств, он словно одно «огромное тело без органов».

«Что же это такое, тело без органов? Паук также ничего не видит, не воспринимает, не вспоминает. Но на краю своей паутины он улавливает малейшие вибрации, которые распространяются по телу интенсивными волнами и заставляют его ринуться в нужное место. Не имея глаз, носа, рта, паук отвечает исключительно на знаки, мельчайший знак, который наплывает на его тело, как волна, пронизывает его и побуждает бросаться на добычу. “Поиски” построены не на манер собора или платья, это — паутина... Несмотря на свою крайнюю чувствительность и фантастическую память, нарратор не имеет органов, поскольку лишен произвольного и систематического использования своих способностей... Это — тело-паук, шпион, полицейский, ревнивец, истолкователь и непомерно требовательный человек является безумцем, универсальным шизофреником, который протягивает одну паутину к параноику-Шарлю, а другую — к эротоманке-Альбертине, протягивает, чтобы

¹⁰⁷ Тетради // Наст. изд. С. 893.

¹⁰⁸ Отсылка к образу «прожитой метафоры» у Эзры Паунда. См.: Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 2. С. 398.

¹⁰⁹ Тетради // Наст. изд. С. 1017.

¹¹⁰ Эта глава появляется лишь в последней редакции книги «Пруст и знаки». По всей видимости, Мамардашвили не был с ней знаком.

превратить их в марионеток своего безумия, интенсивных сил его тела без органов, профилей его сумасшествия»¹¹¹.

Топологическая структура, предлагаемая Делёзом, так же как и у Мамардашвили, образована поверхностью, размеченной знаками по линиям времени и пространства, под которой, вне ее, в пространстве иного измерения, происходит постоянное, порождаемое малейшими колебаниями на поверхности знаков, перемещение некоторой сферической формы, которое, в свою очередь, приводит к разрыву, перегруппировке и снова сшивке потоков видимых знаков поверхности. Делёзов паук в такой топологической конструкции оказывается своего рода существом или воплощением «Пифагоровой сферы», которое у Мамардашвили противопоставляется существу поверхности, «существу Пуанкаре»¹¹². Можно сказать, что Делёз и Мамардашвили открывают посредством романа Пруста «трансверсальное измерение», «трансверсальность»¹¹³, «дополнительный акт жизни, а не наблюдение»¹¹⁴.

*Андрей Парамонов
сентябрь 2015 года*

¹¹¹ Gilles Deleuze. *Proust et les Signes*. Paris: Qardrige; PUF, 1998. P. 218–219. Цит. приведена в пер. с фр. М. Рыклина по: Рыклин М. Стратегии паука (сознание и сингулярность) // Рыклин М. Свобода и запрет. Культура в эпоху террора. М.: Прогресс-Традиция; Логос, 2008. С. 125–126. (Перевод исправлен — А. П.)

¹¹² Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. Т. 2. С. 907.

¹¹³ Deleuze G. *Proust et les signes*. Paris: Qardrige; PUF, 1998. P. 202.

¹¹⁴ Тетради // Наст. изд. С. 775.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

От составителей комментариев 7

Психологическая топология пути

(М. Пруст. «В поисках утраченного времени»)

Лекция 1	13
Лекция 2	32
Лекция 3	52
Лекция 4	73
Лекция 5	92
Лекция 6	115
Лекция 7	135
Лекция 8	156
Лекция 9	178
Лекция 10.	199
Лекция 11.	227
Лекция 12.	274
Лекция 13.	295
Лекция 14.	315
Лекция 15.	334
Лекция 16.	358
Лекция 17.	377
Лекция 18.	397
Лекция 19.	416
Лекция 20.	435
Лекция 21.	453
Лекция 22.	472
Лекция 23.	490
Лекция 24.	508
Лекция 25.	529
Лекция 26.	547
Лекция 27.	566
Лекция 28.	580
Лекция 29.	600
Лекция 30.	619
Лекция 31.	638
Лекция 32.	656
Лекция 33.	679

Из архива	
От редакторов публикации	711
Материалы к лекциям	727
Тетради	771
 Андрей Парамонов	
Геометрия сродства	1045

Мераб Константинович Мамардашвили
Психологическая топология пути

Редактор
Е.М. Мамардашвили

Составители комментариев
И.К. Мамардашвили, А.А. Пармонов

Корректор
А.А. Конькова

Художественное оформление
Д.А. Пармонов

Макет
В.П. Мичурина

Формат 70x100/16
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Объем 67 усл. печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-9905505-3-7

